

**ВОЛОСТНЫЕ И МИРОВЫЕ СУДЫ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1861 – 1889 ГОДОВ)**

© 2022 С.Ю. Заводюк

Самарский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 08.12.2021

В статье исследуется становление и реформирование местной юстиции на протяжении 1861-1889 гг. в фокусе локальной (региональной) истории с использованием методологии социокультурного анализа, концепций «социального доверия» и «социального капитала». Дана характеристика работы волостных судов и расправ в государственной и удельной деревне Самарской губернии 1861 г. Рассмотрено становление и развитие института «мировой суд» в Самарской губернии в 1860-1870-е гг., его особенности в сравнении с волостными судами. Определены общие черты местной юстиции: полная экономическая зависимость от населения и стремление к примирению сторон. Выявлено «сдержанное доверие» крестьян к новому институту мирового суда, стремление иметь в возможность выбора между старыми и новыми институтами местной юстиции. Выделены различия подходов крестьян к местным судебным учреждениям в зависимости от этноконфессиональной ситуации в волости, противоречий внутри крестьянской общины и влияния старшин на волостной суд.

Ключевые слова: волостной суд, мировой суд, выборные судебные институты, обычное право, локальная история, социокультурная история, концепция социального доверия.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-11-21

Введение

Важным условием успешного реформирования является фактор социального доверия к реформаторам и вновь создаваемым институтам. Признание в обществе статуса судебных институтов, независимость их решений, их соответствие ожиданиям, надежность и предсказуемость способствуют распространению правовых ценностей и нормативных поведенческих стандартов. В свою очередь приоритет личных отношений, коррупция, авторитаризм и административный произвол порождают правовой нигилизм.

В российской истории проблема доверия к суду стала широко обсуждаться в середине XIX в. в ходе подготовки и реализации реформ Александра II. В результате

преобразований, по идее реформаторов, должно было возникнуть совершенно новое отношение к праву, в котором «законность» противопоставлялась «произволу» и приобретала самостоятельную роль¹. Не случайно введение новаций в судостроительстве и судопроизводстве повсеместно воспринималось современниками как возможность для быстрого изменения социальной жизни, Председатель съезда мировых судей Самарской губернии Рихтер видел в реформе акт «признания гражданского совершеннoleтия нашего общества»².

Волостные и мировые суды, являясь органами местной юстиции, создавались для реализации идеи предоставления широким слоям населения территориально близкого, простого, понятного и быстрого судопроизводства. Поэтому деятельность этих институтов затрагивала интересы большинства граждан, и доверие к ним имело особое значение.

*Заводюк Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук.
E-mail: s.yu.zavodyuk@samsmu.ru*

В целом тема местной юстиции была широко представлена в публицистике и историко-правовых исследованиях второй половины XIX – начала XX в. В работах этого периода, посвященных пореформенной судебной системе, сохранялась определенная двойственность, они сочетали анализ проведенных преобразований с обсуждением новых актуальных изменений и попытками оказать влияние на государственную власть для углубления или ограничения реформ. Позиция авторов определялась их социально-политическими убеждениями и воспринятыми ими концепциями развития общества и права. В фокусе внимания стояла проблема доверия: с одной стороны, к судебным учреждениям, их способности сохранять независимость и обеспечивать социуму защиту от бюрократического произвола, а с другой – к уровню развития самого общества, к его способности использовать новые институты и выборные практики. Ответы на вопросы о достаточности крестьянской «нравственности», способности крестьян обходиться без опеки дворянства, наравне с другими сословиями использовать нормативную систему, выходящую за рамки обычного права, определяли позицию публицистов и правоведов в оценках развития мирового и волостного судов³.

В советский историографии органы местной юстиции изучались историками права в общем контексте судебной реформы и контрреформы⁴. В постсоветской России исследование тем, связанных с мировым судом, было актуализировано возрождением этого института в системе судов Российской Федерации⁵. Что касается волостного суда, то он привлекает внимание правоведов в первую очередь в связи с сохранением обычного права в крестьянском судопроизводстве⁶. Исследователи по-прежнему расходятся в оценках роли волостных судов и их влияния на развитие крестьянства⁷. Со временем появились также публикации о разграничении подсудности волостных и мировых судов⁸. Можно выделить и отдельные статьи, рассматривающие деятельность

местной юстиции в социальном контексте и с позиций истории повседневности⁹.

Цель данной работы – анализ деятельности волостных и мировых судов в социокультурном пространстве пореформенной России. Исследование локальных (региональных) материалов Самарской губернии позволяет акцентировать внимание на господствующих идеях, ценностях, особенностях восприятия местной юстиции в контексте доверия к традиционному и новому социальному опыту. Используемые материалы позволяют сопоставлять мировоззренческие установки и социальные практики представителей разных этнических и конфессиональных групп губернии.

Хронологически работа охватывает период от введения в 1861 г. волостных судов до принятия в 1889 г. закона о земских участковых начальниках.

Исследование базируется на архивных и опубликованных источниках исходя из цели работы, основное внимание уделяется материалам обследования уездов Самарской губернии Высочайше утвержденной комиссией по преобразованию волостных судов.

Методология исследования

Проблема становления и развития местной юстиции рассматривается в фокусе локальной (региональной) истории с использованием методов социокультурного анализа, основанного на изучении идей, ценностных установок, особенностей восприятия институтов отдельными общественными группами в контексте их социального опыта.

Оценки деятельности волостных и мировых судов современниками реформ Александра II анализируются с использованием оптики социологической концепции социального доверия в интерпретации П. Штомпки. В данной традиции доверие рассматривается как сложный социальный феномен, включающий не только уверенность относительно надежности и предсказуемости будущих событий, но и осно-

ванные на этой уверенности действия¹⁰. Предполагается, что длительно сохраняющееся социальное доверие или недоверие к институтам становится основой мотивации массового поведения и приводит к распространению устойчивых социальных практик и стратегий поведения, таких как признание авторитета, нормативное согласие, повиновение и солидарность или, напротив, уклонение, сопротивление и т.п.

Отношение отдельных социальных групп к волостным и мировым судам рассматривается также в контексте понятия «социального капитала» П. Бурдье. Под социальным капиталом в данном случае понимается «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью», в том числе институт «репутации». Учитывается также, что социальные структуры не только предоставляют ресурсы, но и воспроизводят образцы власти и неравенства¹¹.

Основная часть

Изначально, с 1861 г. по 1869 г., выборный институт местной юстиции на территории Самарской губернии был представлен исключительно волостными судами. Их формирование и деятельность регламентировались в разделе «О волостном суде» Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Можно сказать, что базовые принципы, изложенные в законе, в основном совпадали с принципами «Сельского судебного устава», который вводился у государственных крестьян во время реализации реформы П.Д. Киселева 1837 – 1841 гг.¹² Это сословность, выборность, коллективность, ориентация на обычное право, сохранение по отношению к крестьянам политики патернализма и «попечительства». Опыт судебных разбирательств на уровне сельских и волостных расправ в государственной деревне был, таким образом, узаконен для всего крестьянства, освобожденного от крепостной зависимости.

Отличительной особенностью новой реформы стало стремление оградить вы-

борных судей от контроля со стороны волостного управления. Государственные и уездные крестьяне, проживающие в разных волостях Самарской губернии, высоко оценивали новое положение вещей, указывая, что «прежде голова судил как угодно», а теперь старшина такой власти не имеет¹³. А.А. Сорокин отмечает, что сразу после учреждения волостного суда большинство современников отнеслись к нему как к вполне жизнеспособному органу. Особенно высокие оценки, безусловно, встречались в публикациях почитателей национально-культурной самобытности в рамках развития идей славянофильства и почвенничества¹⁴.

Разработчики либеральной судебной реформы предполагали сохранение сословного крестьянского суда только до введения «Судебных уставов» 1864 г., однако его ликвидация так и не последовала, а вопрос о его судьбе оставался остро дискуссионным начиная с 1865 г., когда была образована первая комиссия по решению проблемы возможного слияния волостных и мировых судов, до начала XX в.¹⁵ В фокусе внимания противников волостного суда были как принципиальные соображения, связанные с нарушением принципа всесословности и равенства, так и разнообразные нарушения в деятельности судей, их неграмотность, влияние на решения суда других должностных лиц.

В «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» указывалось, что волостные судьи избирались из крестьян в количестве от четырех до двенадцати человек, трое из них поочередно формировали состав действующего суда. Судьи избирались из домохозяев двадцати пяти лет и старше, не состоящих под судом и следствием, не наказываемых ранее по суду телесно, не замеченных в «заведомо развратном поведении». Отказаться от должности можно было только по возрасту, по болезни и в том случае, если уже отслужил на какой-либо выборной должности полный срок. Как правило, судьи избирались на один год, но к 1873 г. в восьми волостях

Самарской губернии сложилась практика трехлетнего срока исполнения выборными судьями своих обязанностей. Это согласовывалось с привычными для государственных и удельных крестьян традициями организации расправ и, как правило, мотивировалось необходимостью приобретения судьями достаточного опыта¹⁶.

Закон не запрещал назначать участникам суда вознаграждение, но оно не было обязательным. В Самарской губернии в начале 70-х годов XIX в. только в одной Ново-Якушкинской волости судьи получали содержание по двенадцати рублей каждый, правда, при этом не освобождались от натуральных повинностей¹⁷, хотя именно эта привилегия прописывалась для выборных должностных лиц в ст. 124 Положения о крестьянах и была широко распространена в других уездах. На практике встречались также случаи исполнения судьями своих обязанностей вообще без всякого вознаграждения¹⁸. Несмотря на то, что волостные судьи жалования не получали, на них могли наложить денежное взыскание. Например, в Екатериновской волости в 1864 г. был случай назначения съездом мировых посредников взыскания с волостных судей денежного штрафа по три рубля за неправильное наказание крестьянина розгами¹⁹. Это приводило к тому, что крестьяне, как правило, на «судейские должности шли весьма неохотно», «по неволе», а иногда и со страхом, боясь мести со стороны наказанных («чтобы дом не сожгли»)²⁰. Исключение составляло мусульманское население (татары, башкиры): обычное право в исламе неразрывно связано с шариатом, возможно, поэтому в их общинах судьи пользовались «большим уважением и почетом»²¹. Много волостей в Самарском уезде было населено разными этноконфессиональными группами, что вынуждало их представителей взаимодействовать в рамках волостного суда, и не всегда это взаимодействие приводило к формированию доверия и коллективной идентичности. Иногда, напротив, возникали серьезные проблемы, например:

мордовское население Спиридоновской и Кузайкинской волостей жаловалось, что «против татар ничего не смогут», а татары и башкиры «все конокрады, потому в судьи лезут, чтобы друг друга выручать»²².

Согласно данным Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию волостных судов, распространение грамотности среди судей по волостям было крайне неравномерным. В пятнадцати волостях Самарской губернии из двенадцати судей вообще не было грамотных, в восьми только один считался грамотным или малограмотным, при этом в Покровской волости их число доходило до восьми, в Борской – до шести, в Султангуловской все умели читать и писать, но на татарском языке, в остальных – грамотными были два-три человека. Недоверие крестьян к «чуждому» им культурному опыту неожиданным образом проявилось в Елисаветинской волости Бугульминского уезда, где опрашиваемые заявили, что «грамотных в судьи не выбирают, потому они самый ненадежный народ, большей частью пьяницы да клязники, которые бы только народ морочили да обирали»²³.

Волостной суд рассматривал крестьянские тяжбы и проступки в пределах, установленных законом. К ним относились все споры до ста рублей, а также тяжбы между крестьянами на любую сумму, если волостной суд выбирали на основе обоюдного согласия истец и ответчик. Споры по крестьянской собственности вне общинных земель и тяжбы с представителями других сословий должны были рассматриваться в общих судах на основе позитивного права (закона)²⁴. Мировому суду передавались также преступления, совершенные при отягчающих обстоятельствах. Например, мелкая кража, совершенная повторно, уже не должна была разбираться в волостном суде. На практике периодически возникали споры между мировым и волостным судами о подсудности того или иного совершенного крестьянами проступка²⁵.

По разъяснениям Сената, к крестьянскому сословию относились собственно кре-

стьяне; жены государственных крестьян; отставные чины из крестьян; купцы из крестьян, не причисленные к городскому словию; крестьяне, торгующие по промысловым свидетельствам²⁶. Таким образом, подсудность волостного суда определялась не родом занятий, а исключительно сословной принадлежностью и принадлежностью к крестьянской общине.

Волостной суд мог самостоятельно проводить дознание и склонять стороны к примирению. Часть волостных судей высказывалась за возможность примирения по всем разбираемым делам, но были также сторонники сохранения обязательного наказания за кражу, что соответствовало общим представлениям крестьян о воспитательном эффекте страха перед наказанием. В целом мировыми соглашениями в волостных судах Самарской губернии оканчивалось от 1/8 до 1/5 дел²⁷. Решение судьи могли принимать как единогласно, так и большинством голосов, руководствовались как законом, так и обычаем, но «преимущественно совестью и внутренним убеждением»²⁸. Другие должностные лица не должны были вмешиваться в деятельность суда, но на практике этот принцип не всегда соблюдался. При решении дел в ряде волостей практиковалось обсуждение с писарем и старшиной²⁹.

Приговоры волостного суда по искам до ста рублей считались окончательными. Жалобы на всех должностных лиц, включая выборных судей, можно было подавать мировому посреднику, в качестве кассационной инстанции в случаях нарушения судом его юрисдикции или процедуры судебного разбирательства выступал съезд мировых посредников. При этом в Екатерининской волости опрашиваемые заявляли, что нынешний порядок кассационных обжалованных решений суда не понятен крестьянству, что лучше бы допустить жалобу по существу самого решения суда, но допустить такую жалобу в съезд мировых судей крестьяне находили опасным, потому что «адвокаты или ходатаи будут в таком случае подбивать крестьян жаловаться по всякому без

исключения делу и понапрасну вводить таким образом крестьян в убытки». Поэтому опрашиваемые считали более удобным учредить вторую инстанцию выборную от крестьян, но с тем, чтобы председателем в ней был один из мировых судей или избирался бы особый председатель по выбору крестьян из местных жителей всех сословий³⁰. Похожие суждения высказывали судьи и из других волостей.

Волостной суд имел право накладывать наказания в виде ареста до семи дней, общественных работ до шести дней, денежного штрафа до трех рублей и порки розгами до двадцати ударов. От телесных наказаний освобождались лица старше 60 лет, должностные лица, крестьяне, окончившие курс в уездных училищах и вузах³¹.

При присуждении наказания волостные судьи обращали внимание на личность (репутацию), пол и возраст подсудимого. Телесному наказанию подвергались преимущественно крестьяне, известные своим «бесстыдством», безнравственным и буйным поведением. Но большинство волостных судов в любом случае предпочитало назначать розги. Арест многие считали недостаточным наказанием, предлагая усилить его переводом на «хлеб и воду», к тому же за арестанта «обществу при круговой поруке придется отвечать при взыскании недоимок». Организация общественных работ требовала контроля со стороны должностных лиц, что являлось дополнительной нагрузкой для крестьянского самоуправления, денежные штрафы сложно было собирать из-за бедности населения. Некоторые представители волостных судов высказывались даже за увеличение допустимого наказания розгами до сорока - пятидесяти ударов, рассматривая устрашение как единственный способ профилактики воровства³².

Значительные отличия наблюдались в организации и деятельности волостного суда колонии менонитов. Менониты изначально представляли собой особую этноконфессиональную группу. С момента переселения в XVIII в. они сохраняли свою

самобытность и, будучи выходцами из Голландии, избегали тесных контактов не только с русским населением, но и с немецкими колонистами³³. Все двенадцать судей в колонии были грамотными, стремились ориентироваться на закон и были единственными из опрашиваемых, кто высказывался за то, чтобы правительство составило общее руководство для производства дел. Обвиняемых приговаривали, как правило, к аресту, общественным работам и денежному штрафу. Телесные наказания назначали только работникам из татар и русских, считая, что взыскивать с них нечего и розги для работников необходимы³⁴.

Мировой суд в Самарской губернии создавался в 1869 г. В отличие от волостных судов, он состоял из двух инстанций. Нижнюю ступень занимали выбираемые земскими собраниями или городской думой участковые и почетные мировые судьи. Мировой округ совпадал территориально с уездом, число мировых участков определялось особым расписанием. В мировые судьи могли избираться только жители данного уезда старше двадцати пяти лет. Знание местных обычаев, сложившихся отношений, понятий – вообще всех условий местной жизни, законодатель признавал необходимым залогом их успешной деятельности. «Мировые судьи, – сказано в журнале Государственного совета 1862 г., – должны быть по преимуществу местными судьями и хранителями мира; общее доверие местных обывателей составляет необходимое условие их назначения, а потому правительство было бы поставлено в крайне затруднительное положение, если бы приняло на себя их избрание: ибо начальствующим лицам, во всяком случае, труднее найти столь значительное число вполне достойных лиц для замещения всех должностей мировых судей, чем обывателям каждой местности приискать людей для определенного округа»³⁵.

В законодательстве также предусматривался перечень имущественных цензов для кандидатов в мировые судьи, включающий владение участком земли не менее четы-

рехсот десятин, недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога в три тысячи рублей (в столицах – больше). Образовательный ценз предусматривал, что кандидаты на должность должны были иметь законченный курс высшего или среднего учебного заведения. Исключение делалось для лиц, прослуживших не менее трех лет в судебном ведомстве, «в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел»³⁶. Кроме того, предусматривалась должность почетных мировых судей. Они не получали жалования, рассматривали дела в случае отсутствия или болезни участковых судей либо по просьбе тяжущихся сторон.

Жалобы на приговоры и решения, вынесенные мировыми судьями, рассматривал съезд мировых судей округа. В него входили как почетные, так и участковые мировые судьи. Несмотря на то, что институт мирового суда был выборным, мировые судьи были государственными, а не общественными служащими и включались в систему «Табели о рангах».

Мировые судьи, как и волостные, разбирали мелкие правонарушения, именуемые в законодательстве «проступками», а также рассматривали гражданские иски на сумму до пятисот рублей. Мировой суд мог назначать такие наказания как выговоры, замечания и внушения, денежные взыскания до трехсот рублей, арест до трех месяцев и заключение в тюрьму до одного года³⁷.

Мировой суд в Самарской губернии, как и во многих других регионах, заметно отличался от мировой юстиции в Москве и Санкт-Петербурге по составу участковых судей. Круг лиц, соответствующих перечисленным в законодательстве цензам, был крайне ограничен. Следствием такого положения стало, например, решение земских собраний о сокращении в 1871 г. мировых участков в Бугурусланском и Бугульминском уездах³⁸. В связи с этим, самарский губернатор Г.С. Аксаков 6 марта 1872 г. доводил «до сведения гр. Палена, что некоторые

части губернии могут остаться на время совершенно без отправления в них правосудия»³⁹. В итоге порядок избрания участковых мировых судей был значительно упрощен, и в мае 1872 г. Министерство юстиции разрешило земству Самарской губернии избирать кандидатов, не соответствующих цензам, простым большинством голосов.

Недостаток кандидатов приводил также к преобладанию в некоторых уездах численности почетных мировых судей. Так, в Самарском мировом округе к 1889 г. на девять участковых приходилось двенадцать почетных мировых судей, в Ставропольском – на четверых – шесть. По остальным округам соотношение было более пропорциональным⁴⁰. При этом нужно учитывать, что почетный судья мог занимать любую общественную или государственную должность, он не получал вознаграждения и не обязывался законом жить в том округе, где был избран. В судебных разбирательствах почетные мировые судьи участвовали крайне редко, хотя формально входили в состав съезда мировых судей и включались в состав окружных судов в случаях недостаточного числа коронных судей. По этой причине, например, в Самарском окружном суде возникали частые проблемы из-за нежелания или невозможности мировых судей присутствовать на его заседаниях⁴¹. В итоге в обществе сложилось представление, что почетный мировой судья – скорее престижное звание, чем должность с определенными обязанностями. Следует согласиться с С.В. Лонской, что этот элемент в судебной системе был лишним⁴².

Из сохранившихся в архивах документов можно сделать вывод, что почти 99% первых составов мировых судей в Самарской губернии относились к дворянскому сословию. Преобладали военные, разброс в образовании был значительным. Например, в Бугурусланском уезде были выпускники военных училищ, духовной семинарии, юридических факультетов⁴³. Анализ изменений социального состава мировых участковых судей показывает, что со временем общей тенденцией стало сокращение числа воен-

ных и рост числа гражданских чиновников низших классов⁴⁴.

Изначально востребованность мирового суда была выше в городах, в волостях деятельность крестьянского суда позволяла ограждать участковых судей от перегрузки. Это хорошо видно по ситуации в Самарском уезде, где в 1869 г. было создано восемь мировых участков, три из которых располагались в Самаре. Через год съезд мировых судей ходатайствовал о введении в губернском центре двух дополнительных участков, объясняя, что городские судьи «буквально завалены делами, которых... приходится на каждого от восьми до десяти в день»⁴⁵.

Иски в мировой суд могли подаваться словесно или письменно, разбирательство проходило устно, публично, по возможности в одно заседание. Неявившихся обвинителей или свидетелей могли приговаривать к штрафу в двадцать пять рублей. К сожалению, общей тенденцией стало удорожание мирового суда, к концу 80-х гг. пошлина в гражданских процессах составляла по копейке с каждого рубля иска⁴⁶. Исходя из этого назвать мировой суд в полной мере доступным и дешевым не представляется возможным. На эти негативные тенденции постоянно указывали противники мировой юстиции, а их либеральные оппоненты, такие как Г.А. Джаншиев, отмечали, что малодоступность, сложность и формализм появились в мировом суде только в связи с «реакционными новеллами», не соответствующими духу Судебных уставов⁴⁷.

Либеральная общественность именно мировой суд рассматривала в качестве авангарда распространения среди граждан элементарных знаний о правах и обязанностях. Известный публицист В.П. Безобразов писал в этой связи: «...надо видеть то изумление, даже раздражение, с которым выслушивают... приговоры рабочие, мастера, самовольно ушедшие с работы до окончания срока найма, вопреки письменному контракту..., пьяницы, никогда не слыжавшие, чтобы нельзя было валяться или ругаться на улицах; мужья, не имевшие ника-

кого понятия о том, что нельзя избивать до полусмерти своих жен...»⁴⁸. Представители консервативной мысли, рассуждающие в духе концепций национального развития права, напротив, в идее выборности мирового суда видели «общественный самосуд», угрозу политизации судей и «хронического раздора между судом и администрацией»⁴⁹.

Крестьяне относились к мировому суду с некоторым опасением, но в целом оценивали его деятельность скорее положительно. Практически во всех волостях было высказано пожелание о необходимости предоставлять истцам возможность самостоятельного выбора волостного или мирового суда. Там, где мировой судья находился далеко от волостного правления, звучали также предложения узаконить разъездной характер его деятельности.

Анализируя ответы крестьян, можно заметить, что мировой судья для них – «не свой человек», он «далеко», «налагает большие наказания», к нему «не всякий решится идти»; в противоположность этому волостной суд – «близок, знает крестьянские обычаи, нужды и потребности», «из своих», его «можно сменить», «избрать лучших», он «судит легче»⁵⁰. При этом в случаях конфликтов и социальной нестабильности внутри крестьянского мира вектор доверия/недоверия мог меняться, и то, что мировой судья «человек сторонний» рассматривалось уже как гарантия справедливости. Крестьяне заявляли, что «судиться у мирового судьи гораздо лучше, чем в волостном суде и, если бы мировой судья был на месте, то волостной суд можно бы с удобством совсем уничтожить; тут все соседи, сват, друг; если сами судьи люди бедные, то против старшины и богатого мужика пойти не посмеют...», «постоянно боятся, что им будут мстить» недовольные решением, а иногда волостных судей «даже бьют»⁵¹.

Заключение

Волостные и мировые суды, будучи выборными институтами местной юстиции, имели различные основания своей деятель-

ности. Институт мирового судьи создавался на базе всесословного выборного земского самоуправления, при этом был включен в систему государственной судебной власти и разрешал дела исключительно на основе формализованного законодательства, реализуя тем самым принцип всесословности. Избрание мировых судей ограничивалось цензами.

Волостной суд оставался сословным, был неразрывно связан с общинным мироустройством, мог использовать обычное право и телесные наказания. Он не имел апелляционной инстанции, фактически оставаясь второй ступенью, так как, по словам крестьян, до обращения к судьям многие споры по-прежнему разбирались на сходах. Участковый мировой судья выносил единоличное решение, а коллективные решения принимались только при апелляциях, в волостном суде последовательно реализовался принцип коллективизма. Общим было то, что вся местная юстиция экономически полностью зависела от населения и была «мировой», т.е. стремилась к примирению сторон.

Изначально «осознавая пропасть между крестьянским миром и вчерашними помещиками, реформаторы заложили в законодательство и возможность ее постепенного преодоления»⁵². Анализ источников показал, что уже через несколько лет существования мирового суда крестьяне Самарской губернии демонстрировали интерес и сдержанное доверие к этому институту при условии сохранения привычного им волостного суда и возможности выбора. Участковые мировые судьи, среди которых преобладали дворяне, были «далекими», «чужими», но не вызывали неприятия. Негативное отношение и крайнюю степень недоверия крестьяне демонстрировали к так называемым «ходатаям», адвокатам, секретарям, а иногда и к грамотным представителям своей общины, т.е. к тем, с кем они чаще сталкивались, кто был им социально ближе, но не воспринимался как защитник, а, напротив, виделся своего рода дельцом от юриспру-

денции и подозревался в мошенничестве.

Община и связанный с ней волостной суд, будучи знакомыми и понятными, как правило, давали крестьянам ощущение ограниченного контроля и относительной безопасности, предсказуемости, а также «небеспристрастного», основанного на сохранении института репутации, рассмотрения споров. Исключение составляли те волости, где была сложная этноконфессиональная ситуация, серьезные противоречия внутри крестьянского мира, засилье волостной верхушки и отсутствие доверия к нему. Здесь именно мировой суд рассматривался как беспристрастный, независимый и, соответственно, более справедливый.

Те позиции, которые на уровне дискуссий публицистов и правоведов проявляли себя как доверие/недоверие к бюрократическому администрированию и влиянию на суд общественных, в том числе выборных, институтов, в среде крестьян выражались в дилемме отношения к роли старшин в волостном суде и разного рода гражданским поверенным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1855-1874 / Л.Г. Захарова, Дж. Бушнелла, Б. Эклофа. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 308.
- ² Самарские губернские ведомости. 1870. № 94.
- ³ Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами Александра II и общественный быт в России. Пг.: Сенатская типография, 1915. 202 с.; Бразоль Г.Е. Об упразднении волостных и сельских судов: Замена их мировыми судебными учреждениями. Харьков: Типография М.Ф. Зильберберга, 1886. 412 с.; Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Книгоиздательство П.П. Гершунина и К. 1905. 268 с.; Головачев А.А. Десять лет реформ. СПб.: Типография Ф.С. Сущинского. 1872. 402 с.; Джанишев Г.А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М.: Типография М.П. Щепкина, 1891. 428 с.; Калачов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России. СПб: Типография В. Безобразова и К, 1880. 22 с.; Люблинский П.И. Суд и права личности // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского; при ближайшем участии М.Н. Гернета, А.Э. Вормса, Н.К. Муравьева и А.Н. Паренаго. М.: Объединение, 1915. В 2 т. Т. 2. 1915. С. 1 – 40.; Филиппов М.А. Судебная реформа в России. В 2 т. Т.1. Ч.1. СПб.: Типография А. Моригаровского. 1871. 631 с.; Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Несколько современных вопросов. М.: Типография К. Солдатенкова, 1862. С. 145 -184.
- ⁴ Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. 147 с.; Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 183 с.; Немытина М.В. О судебной контрреформе в России // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 98 –106.
- ⁵ Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. Калининград: Калининградский государственный университет, 2000. 215 с.
- ⁶ Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2012. 124 с.
- ⁷ Сорокин А.А. Крестьянский волостной суд Российской империи в оценках общественности конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 148; Frierson C.A. «I must always answer to the lav ...» Rules and Responses in the Reformed volost's Court // Slavonic and East European Review. 1997. Vol. 75. № 2. P. 308 – 334.
- ⁸ Горская Н.И. Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860–1880 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 28 – 41; Лонская С.В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 7 – 14; Немытина М.В. Местная юстиция в России во второй половине XIX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 52 – 62; Шутило О.В., Лавринович О.И. К вопросу о разграничении подсудности волостных и мировых судов середины XIX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 42-45.
- ⁹ Безгин В.Б. Указ. соч. С. 111-122; Галкин А.Г. Правосудие для крестьян: волостные и мировые

- суды в оценке крестьян и образованного общества (1870–1880-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4 (9). С. 191–195; *Сорокин А.А.* Указ. соч. С. 147–154.
- ¹⁰ *Штомпка П.* Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. С. 71, 81–82.
- ¹¹ *Бурдые П.* Формы капитала / Перевод М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 66.
- ¹² *Иванова Е.Ю.* Из опыта законодательного оформления управленческой реформы (на примере реформы государственной деревни 1837–1841 гг.) // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 12-2 (104). С. 794, 801.
- ¹³ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. Самарская, Саратовская, Вологодская и Новгородская губернии. СПб: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. С. 211, 234, 276.
- ¹⁴ *Сорокин А.А.* Указ. соч. С. 147.
- ¹⁵ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. II. 1887 – 1892 / Комментарии. Именной указатель. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 166.
- ¹⁶ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 1 – 132.
- ¹⁷ Там же. С. 260.
- ¹⁸ Там же. С. 299.
- ¹⁹ Там же. С. 1.
- ²⁰ Там же. С. 17, 302, 310.
- ²¹ Там же. С. 209.
- ²² Там же. С. 302, 310.
- ²³ Там же. С. 299.
- ²⁴ Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О.И. Чистякова. Т. 7: Документы крестьянской реформы / ответственный редактор доктор юридических наук, профессор О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1987. С. 57–63.
- ²⁵ *Шутило О.В., Лавринович О.И.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁶ *Шутило О.В., Лавринович О.И.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁷ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 16, 82, 92.
- ²⁸ Там же. С. 2, 53, 29.
- ²⁹ Там же. С. 18, 29, 40, 44, 46.
- ³⁰ Там же. С. 2.
- ³¹ Российское законодательство X – XX веков. Т. 7. С. 57–60.
- ³² Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 2, 40, 74, 96, 128, 233.
- ³³ *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. С. 7.
- ³⁴ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 34, 35.
- ³⁵ Цит. по: *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. Т. 2. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 79.
- ³⁶ Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О.И. Чистякова. Т. 8: Судебная реформа / ответственный редактор доктор юридических наук, профессор Б.В. Виленский. М.: Юридическая литература, 1991. С. 34.
- ³⁷ *Неклюдов Н.* Руководство для мировых судей. Уставы о наказаниях. СПб: Типография Н. Тиблина и К, 1868. С. 5.
- ³⁸ Самарские губернские ведомости. 1871. № 5.
- ³⁹ *Мокринский С.П.* Выборный мировой суд // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. В 2-х т. Т. 2. Пг.: Сенатская типография, 1914. С. 11.
- ⁴⁰ Учреждения Министерства юстиции. Мировой суд // Самарский спутник на 1890 г. / издание И. П. Новикова. Самара: Типография И.П. Новикова, 1889. С. 105 – 110.
- ⁴¹ Государственное бюджетное учреждение Самарской области Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГА-СО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 592. Л. 30.
- ⁴² *Лонская С.В.* Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству. С. 55.
- ⁴³ ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 570.
- ⁴⁴ *Тростянский А.Г.* «Мировой судья есть власть единоличная...»: социальная характеристика и проблемы функционирования института мировых судей в российской провинции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (15). С. 32.
- ⁴⁵ Самарские губернские ведомости. 1871. № 2.
- ⁴⁶ Учреждения Министерства юстиции. Мировой суд // Самарский спутник на 1890 г. / издание И. П. Новикова. Самара: Типография И.П. Новикова, 1889. С. 102 – 103.
- ⁴⁷ *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. С. 80.
- ⁴⁸ *Безобразов В.П.* Мысли по поводу мировой судебной власти / В.П. Безобразов. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1866. С. 6.
- ⁴⁹ *Фукс В.Я.* Суд и полиция: В 2-х ч. Ч. 1 / В.Я. Фукс. М.: Университетская типография, 1889. С. 95, 172.
- ⁵⁰ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 6. С. 30, 46, 54, 83, 96, 122, 276, 322.
- ⁵¹ Там же. С. 162.
- ⁵² *Горская Н.И.* Указ. соч. С. 33.

**VOLOST AND MAGISTRATE COURTS
IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF POST-REFORM RUSSIA
(ON THE MATERIALS OF SAMARA PROVINCE IN 1861-1889)**

© 2022 S.Yu. Zavodyuk

Samara State Medical University

The article is devoted to the formation and reform of local justice in 1861-1889 from the perspective of local (regional) history using the methodology of socio-cultural analysis, the concepts of “social trust” and “social capital”. It contains a characteristic of the volost courts in the state and udel villages of the Samara province until the 1861. The author addresses the problems of the formation and development of the magistrate court in the Samara province in the 1860-1870s, its specifics in comparison with the volost courts. She notes such common features of local justice bodies as complete economic dependence on the population and the desire to reconcile the parties. The thesis is postulated about the restrained confidence of the peasants in the newly created institution of the world court, their desire to have the opportunity to choose between the old and new local justice bodies. The author reveals differences in the approaches of peasants to local judicial institutions, depending on the ethno-confessional situation in the volost, contradictions within the peasant community and the influence of the elders on the volost court.

Keywords: volost's court, magistrates' court, elected judicial institutions, customary law, local history, socio-cultural history, concept of social trust.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-11-21